

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6	
О притворстве — и уверенности		15
Кое-что о шишечках	25	
Удачный разрез	35	
Танец петель	43	
Дураков нет	51	
Как растет ваш сад?	61	
Публичное/личное	71	
Дорожное петляние	79	
Саморазоблачение	91	
Сделать Китченера	97	
Бриошь	109	
Набирая петли	117	
La belle France	127	
Взывая к Джун Кливер	141	
Пабло Казальс, дедушка и я		149
Сброшенная петля	161	
Долой перекосы	169	
Великий и ужасный «дедетив»		177
Тетя Джуди	191	
Совсем распустились	199	
Бутерброд для Марты	205	
Долго и счастливо	217	
Благодарности	231	
Об авторе	234	
Следующая книга серии «Проклятие свитера для бойфренда»		235

ПРЕДИСЛОВИЕ

Звание «рок-звезды вязания», присужденное газетой Bangor Daily News¹, сравнимо со званием «Лучший ресторан пакистанской кухни». Такая честь! Но это точно не поможет вам в последний момент получить свободный столик в ресторане Le Bernardin² или рыцарский орден из рук королевы. Да и вряд ли швейцары когда-либо станут распахивать двери перед знаменитыми вязальщицами. И все же после более чем десяти лет напряженной работы, упорства и усердия я вдруг с удивлением узнала, что именно так меня и называют. Повезло мне.

Ну и как же выглядит рок-звезда вязания, спросите вы. Для затравки — я сознательно проживаю в городке с населением в 910 человек, редко ложусь спать позже 10 вечера, а мой вариант погрома в гостиничном номе-

¹ Ежедневная утренняя газета, крупнейшая по тиражу газета штата. Издается в г. Бангоре, штат Мэн. Тираж — около 74 тыс. экз. Досл. перевод «Ежедневные новости Бангора».

² Le Bernardin (транслит. «Ле Бернандин») — очень популярный и дорогой ресторан французской кухни в Нью-Йорке.

ре предполагает лишь похищение солонки и перечницы (дважды!) — хотя в свою защиту могу сказать, что я оставляю *очень* щедрые чаевые.

Я могу материться как сапожник, но при этом остаюсь отчаянно преданным другом и сделаю почти все от себя зависящее, чтобы никого не обидеть.

У меня не было «нормальной» работы вот уже двенадцать лет. Как же я скучаю по регулярным зачислениям денежек на карту и по оплачиваемому отпуску, и — божечки! — как мне не хватает шикарного страхового медицинского полиса.

С тех пор как я связала свою жизнь с пряжей, я прожила уже с десяток жизней. Временами захватывающих, иногда полных тревоги и поражений. На моем пути встречались потрясающие виды и перспективы, было и несколько крутых поворотов, кочек и ухабов, способных выбить из колеи. Мои внутренние подушки безопасности срабатывали не раз. Но дорога всегда вела меня вперед. Мне повезло, и я благодарна.

Ну и в заключение один простой факт: я люблю пряжу. Пряжа завораживала меня, сколько я себя помню. Когда я впервые попросила свою бабушку — маму моей мамы, которая сыграла значительную роль в моей вязальной жизни, — научить меня вязать, то, собственно, речь не шла о том, как связать что-то конкретное; я просто хотела знать, что *вообще можно сделать с пряжей*. Я знала, что в ней скрыта энергия, и, выполнив ряд простых действий собственными руками, я могу эту пряжу оживить. Мотки пряжи казались

мне книгами на иностранном языке; и как же я хотела научиться их читать.

Некоторым вязание необходимо, чтобы почувствовать себя счастливыми. Они упорно сплетают нити в полотно, проходя метр за метром, как газонокосильщики, анализируя свои мысли и заботы в процессе вязания. Или вяжут одну вещь за другой — аккуратные завершённые шедевры. Я же совсем непоследовательна в вязании, мне больше интересен сам процесс путешествия, чем финальный пункт назначения. Но мне очень нужна пряжа. Для меня она — истинная сущность всего лучшего в вязании: возможность, открытая дорога, безграничный потенциал. Как земля, на которой мы трудимся, как еда, которую мы едим, пряжа даёт жизнь.

Много лет назад, ещё в Сан-Франциско, я работала редактором одного технического журнала, содержание которого на самом деле было мне совсем непонятно.

Я вернулась в вязание спустя годы, и это был долгожданный глоток свежего воздуха для моей затравленной души. Недалеко от своего офиса я обнаружила магазин пряжи; он стал для меня островком спасения в обеденный перерыв.

Мои запасы за неделю заметно разрослись — пряжа, спицы, разные инструменты, инструкции, книги. Много, много книг. Большинство из них были руководствами и сборниками узоров. Я хорошо запомнила одну книгу под названием «Вязание в Америке». Это был сборник вязаных моделей и узоров, и все они были

слишком витиеватые и замысловатые для моих умений. Но что мне особенно нравилось в этой книге — это то, что она рассказывала о разных людях со всей страны, которые поняли, как заниматься тем, что они любят. Они зарабатывали на пряже, на разведении животных, на окраске шерсти, на создании дизайнов... их пути были разными, но пункт назначения одинаков. Я чувствовала родство с этими людьми, словно я наконец-то обрела свой народ.

Быстренько отмотаю несколько лет вперед. Я переехала в Мэн, подрабатывая внештатным сотрудником, все еще в технической сфере.

Вместе с моим коллегой мы каким-то чудом открыли собственную редакцию. Первоначально мы собирались рассказывать о людях, которые нашли свой путь, о тех, кто живет в согласии со своими внутренними убеждениями, а не в противоречии с ними. Я — писатель.

*Я вернулась
в вязание спустя
годы, и это был
долгожданный
глоток свежего
воздуха для моей
затравленной
души.*

Мой коллега нашпиговывал меня разными именами и историями, которые, как он считал, подходят для проекта. Человек, который оставил свою семью ради путешествия на паруснике вокруг света за один год. Еще один, который сделал целое состояние на инвестициях. Третий — автогонщик.

Я же открыла свою проверенную книгу «Вязание в Америке» и нашла в ней свои собственные истории.

Я выбрала Маргрит Лорер и Альбрехта Пихлера³, основателей Morehouse Merino⁴, которые, будучи успешными городскими жителями, умудрились создать полноценную параллельную жизнь в сельской местности к северу от Нью-Йорка. Я написала о них историю, столько позаимствовав из «Вязания в Америке», что практически балансировала на грани плагиата.

Сам процесс создания истории столь мне близкой — физический процесс прохождения слов сквозь мой разум, сквозь пальцы на клавиатуру, на экран и в конечном итоге на бумагу — заряжал меня энергией. Получилось так легко и так быстро, словно я наконец-то снова заговорила на родном языке, после того как многие годы пользовалась чужим. Я была дома.

Когда я поделилась историей со своим коллегой, вот что он ответил: «Ну я понял, что история тебе нравится. Но ты серьезно? Овечки?»

Вот и все, что мне нужно было услышать. Я вежливо отложила этот проект, и всего четыре месяца спустя опубликовала первый выпуск Knitter's Review⁵. Каждую неделю я публиковала вдумчивые исчерпывающие обзоры пряжи, инструментов, книг и событий, которые формируют вязальный опыт. Это был сентябрь 2000 года. Можно с уверенностью сказать, что с тех пор через мои

³ Margrit Lohrer, Albrecht Pichler.

⁴ Morehouse Merino (транслит. «Морехаус Мерино») — частная компания, торговая марка шерсти и пряжи.

⁵ Knitter's Review (транслит. «Книттерс ревью») — обзоры пряжи, инструментов и прочего для вязальщиц.

пальцы прошли сотни метров пряжи; я встретила тысячи людей, написала миллионы слов.

Истории — как дома. Мы видим их фасад, общую конструкцию, удачное расположение. В окнах горит свет, и так хочется зайти внутрь. Задача писателя — найти нужную дверь. Если это получится, остальная часть путешествия будет легкой. Я нашла эту дверь; мое приключение стало даром. И сегодня, открывая страницы «Вязания в Америке», я понимаю, что совершенно случайно многие персонажи этой книги стали моими личными друзьями. Такой скачок от кумира до друга совершенно невероятен.

Помню свою встречу с Мег Свонсен⁶ в 1995 году, на моем первом вязальном мероприятии Stitches West⁷. Уже под завязку нагрузившись пряжей, я завернула за угол и подошла к стенду с книгами. За столом стояла красивая женщина. Она повернулась ко мне и улыбнулась ослепительной электризующей улыбкой.

Время остановилось, пока мой ум не сопоставил все факты и я наконец не осознала, что передо мной стоит Мег Свонсен — знаменитость, учитель, дизайнер, писатель и дочь Элизабет Циммерман. Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди, я разинула рот, но не смогла выдавить ни словечка. Я просто сбежала. Двенадцать лет спустя мы сидели вместе под сливовым деревом после первого дня

⁶ Meg Swansen — дочь знаменитой Элизабет Циммерман («бабушки американского вязания»), автор книг, инструкций по вязанию, также унаследовала компанию своей матери по продаже пряжи и инструментов для вязания.

⁷ Stitches West досл. «вязание на западном побережье» — ежегодное мероприятие в США, объединяющее ярмарку, мастер-классы и семинары по вязанию, выставку товаров для рукоделия и т. п.

Sock Summit⁸ в Орегоне, вязали и болтали. И только когда мне удалось избавиться от всех ярлыков, который мы зачастую навешиваем на знаменитых людей, я поразилась открытию Мег как человека — ее мудрости, ее чувству юмора, ее ранимости, всему в ней.

Самая удивительная часть моего путешествия — люди. Мои скитания в поисках хорошей пряжи и историях о ней сводили меня лицом к лицу с поразительно разными людьми, которых при иных обстоятельствах я бы никогда не встретила:

Мелинда Кьярум⁹. Разводит исландских овец в Миннесоте (когда самый старый баран в стаде, Иван, был еще жив, она каждый вечер натирала его артритные суставы настойкой из болотной мяты).

Юджин Уайт¹⁰. Фермер, который разводит овец породы меринос. Играет на тромбоне, чтобы отпугнуть койотов, и частенько цитирует Пруста в своем блоге.

Мелани Фалик. Автор книги «Вязание в Америке», волею случая редактирует книгу, которую вы держите в своих руках. Мой круг замкнулся.

Мир вязания значительно изменился с тех пор, как я впервые попала в него. Теперь все двери широко распахнуты. Теперь у каждого есть гораздо больше возможностей найти свое место в этом мире. Теперь мы знаем все о тех-

⁸ Сок Саммит досл. «Носочная конференция» — ежегодная встреча по вязанию носков.

⁹ Melinda Kjarum.

¹⁰ Eugene Waytt.

никах, которые используем, и о том, как они появились. И теперь у нас есть выбор — больше чем когда-либо.

Купить пряжу просто. Всего пара щелчков мышкой — и сразу видно, что другие люди думают об этой пряже, что они из нее связали, понравилось ли им и сколько пряжи у них осталось.

Можно найти десятки, даже сотни моделей и инструкций — и посмотреть, какую пряжу другие люди использовали для этих моделей, что они думают о них и как *они* их вязали.

Отбросьте ненужную болтовню, абстрагируйтесь от окружающего, и все, что у вас останется, — пряжа. В этом и заключается настоящее приключение, это ключ к моему сердцу. Хорошая пряжа куда лучше, чем любой столик в Le Bernardin.

В Викторианскую эпоху люди часто общались друг с другом с помощью цветов. Это называется *флориография*. Цветок акации — символ тайной любви, маргаритка призывала к терпению, а цветы груши означали крепкую дружбу. Но, как и в детективах Агаты Кристи о мисс Марпл, некоторые цветы были предвестниками опасности, обмана и даже смерти. Женщины «общались» с помощью цветов, вкладывая в них гораздо более глубокий смысл, чем можно выразить словами.

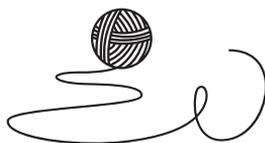
А что если с пряжей мы делаем то же самое, создавая образцы и одежду, которые, если правильно их рас-

Отбросьте
ненужную
болтовню,
абстрагируйтесь
от окружающего,
и все, что у вас
останется, — пряжа.

шифровать, могут рассказать свои собственные истории? Лицевая гладь, резинка, косы и жгуты, даже просто пряжа — все это мгновенно пробуждает в памяти места, времена, людей, беседы — все те трогательные и мучительные моменты, которые мы спрятали в глубинах своей памяти. Со временем эти петельки складываются в карту нашей жизни.

Эта книга — сборник моих собственных размышлений о пряже и петлях. Почему мы их вяжем, как они складываются в вязаное полотно и какой вклад они внесли в полотно моей собственной жизни. Жизнь — это петля. У нее есть начало, середина и конец. Она служит определенной цели, и если повезет, то получится нечто большее, чем просто сложение ее отдельных фрагментов.

О ПРИТВОРСТВЕ —
И УВЕРЕННОСТИ

По окончании колледжа я сразу же устроилась на работу в отдел по работе с клиентами в Macy's¹¹ в торговом центре «Бейфер Молл» в Сан-Леандро, штат Калифорния. Четыре года в высшем учебном заведении, беглый французский, умение ориентироваться в производствах искусства, как выяснилось, стоили ровно двадцать центов. Мне предложили зарплату в 6 долларов 10 центов в час, а затем подняли до 6 долларов 30 центов, приведя в качестве аргумента мой диплом.

За две недели стажировки я научилась делать всякое, что моя должность вовсе не подразумевала, например, работать за кассой, выдавать наличные и кредиты, а еще взвешиваться на весах в женской раздевалке. Потом начальница отвела меня в сторонку и уверила, что отдел по работе с клиентами гораздо лучше остальных отделов. Это путь к карьерному росту. Я же стою *за стойкой администратора*. Усердно работай и получишь повышение, говорила она.

¹¹ Macy's — одна из крупнейших и старейших сетей розничной торговли в США.

Вот, глянь на нее, она работает за этой самой стойкой с момента открытия в 1957 году.

Мой отдел находился в конце коридора с низкими потолками, флуоресцентными лампами и линолеумом на полу, все это явно отдавало обреченностью советской эпохи. Я встречала клиентов, стоя за пластиковой стойкой с кнопкой посередине. Нажми, и откуда-то сзади раздастся *динь-дон* старомодного дверного звонка. Люди обожали эту кнопку. Одна женщина пришла повоевать за покрытую застарелым жиром сковородку, которую намеревалась вернуть, хотя сковородке явно было уже немало лет и чека на нее не было. Она плюхнула своего годовасика прямо на прилавок, и тот стал непрерывно давить на кнопку.

«Чем я могу вам помочь?» *Динь-дон, динь-дон.*

«Ага, эта штуковина не работает (*динь-дон*), а менять на другую (*динь-дон*) мне не хотят». *Динь-дон.*

Высокая перегородка позади стойки скрывала служебное помещение без окон, зато с несколькими пустыми столами и скрипучими стульями, серыми металлическими шкафчиками для бумаг и ковром, который когда-то был бежевым. Это было мое укромное убежище.

Я понятия не имела, что я делала. Ни малейшего. Я была конечной инстанцией для тех, кто приходил за однозначным ответом. А я не могла назвать часы работы магазина, не подглядывая в шпаргалку. Хозтовары? Думаю, на этом же этаже. А, не, погодите, наверное, на втором этаже. Простите, секундочку, сейчас я проверю.

Телефон постоянно звонил. «Я только что купила набор простыней и постирала их, а теперь передумала,

я могу их вернуть?» Да откуда я знаю? Сначала я записывала все сообщения, пыталась найти ответы и перезвонить. Но звонки все не прекращались. И я просто переводила звонки в режим ожидания, пока на том конце провода не бросали трубку.

Стопки записок все росли, и, в конце концов, я стала запихивать их в свою сумочку и выкидывать по дороге домой. Мне казалось, что меня поставили управлять атомной подлодкой. И неважно, на какую кнопку я нажму, все равно что-нибудь взорвется.

По пятницам в мои обязанности входило выдавать зарплату коллегам. Они стояли в ожидании, нетерпеливо постукивая пальцами по столу, пока я выискивала конверты с их именами, склонившись к специальному ящику под стойкой. Мужчины особенно старались помочь мне сориентироваться в алфавите. Они нависали над стойкой и заглядывали в ящик с конвертами вместе со мной. «Это Д... погоди, ты сейчас на Г, следующая буква...» Мне понадобилось ровно две недели, чтобы понять, — они просто пытались заглянуть в вырез моей блузки.

Магазин постоянно втюхивал кредиты, предлагая вечное «10 процентов скидки, если вы откроете у нас кредит». Сотрудникам выдавали лотерейные билетки каждый раз, когда кто-нибудь открывал кредитный счет. Даже я выиграла 200 долларов, которые тут же потратила в ювелирном отделе, купив часы Movado¹² со скидкой для сотрудников.

¹² Movado — один из известнейших производителей дорогих часов.

Но если кому-то отказывали в кредите — а такое частенько случалось — этого несчастного отправляли ко мне за плохими новостями. Они уже знали, что им грозит, но все равно приходили. Я издалека могла опознать кредитную заявку, накрепко зажатую в кулаке бедолаги. Они понятия не имели, в чем проблема. Все же было прекрасно. Их кредитная история была идеальной. А им так нужен тот кожаный диван. «Это ужасно», — говорила я, изображая удивление и негодование. Я была хорошим полицейским, а отдел выдачи кредитов — плохим. «Сейчас я позвоню и выясню, что не так».

Я брала эту измятую, заляпанную заявку на кредит, поднимала трубку и звонила кредиторам — а они уже рассказывали мне, как все обстоит на самом деле. У этого парня уже три непогашенных кредита в компании, все в процессе взыскания. И он наврал про своего работодателя. У него задолженность по алиментам на ребенка уже девять месяцев. Есть ордер на его арест, и я должна срочно укрыться в безопасном месте и вызвать полицию.

Знаете, насколько проще наводить порядок в чужом доме, а не в своем собственном? Ну вот, то же самое относится и к эмоциональным домам.

Моя работа состояла в том, чтобы выслушать все это, не меняя выражения лица. А потом я должна была пересказать все это человеку, стоящему передо мной, но так, чтобы он молча кивнул и ушел, а не начал кричать, умолять, рыдать или распускать руки. Во мне нет ни кап-

